

Голосенко И. А. Козловский В. В. История русской социологии XIX-XX вв.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПИОНЕРЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В РОССИИ

Зачинатели новых дисциплин, по верному замечанию А. Тойнби, всегда рисуют карту открываемого ими материка от руки, но последующие поколения "картографов" методично ее уточняют. Нечто подобное имело место и в русской умственной культуре XIX в. при появлении в ней новой науки - социологии, Три человека, избранные нами, - В. Н. Майков, Э. К. Ватсон и П. Л. Лавров - имели много общего: они стремились осмыслить социальную, политическую и междисциплинарную необходимость создания социологии в России, ставили вопрос о критическом усвоении западно-европейского знания, пытались применить данные социологии к отечественной ситуации с целью извлечения "пользы" для народа. Все они были позитивистами, хотя и несколько разной ориентации. Условия жизни в России, где власти подозрительно относились к социологии, мешали им довести свои работы до логического конца, тормозили, а то и вообще срывали многие их планы. И тем не менее они сделали свое дело - на рубеже 60-70-х гг. XIX в. социология прочно вошла в культурную жизнь страны.

1. Валериан Николаевич Майков (1823 -1847)

В. Н. Майков был одним из первых русских позитивистов, который еще в 1845 г., т.е. при жизни О. Конта, выступил с требованием создать отечественную социологию, противопоставляя ее влиятельной в России немецкой метафизике. По словам В. П. Боткина, которому довелось посещать лекции О. Конта в Париже, Майков был оценен современниками именно как "выразитель новых идей" научного реализма. Он родился в Москве в семье известного художника Н. А. Майкова и получил превосходное домашнее воспитание. Так русскую словесность ему (и его брату, будущему поэту Аполлону) преподавал И. А. Гончаров, близкий друг их дома. За годы учебы на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета Майков испытал сильное влияние со стороны двух профессоров: В. С. Порошина, читавшего курс истории политико-экономических теорий, и П. Д. Калмыкова, чей курс энциклопедии права был сильно насыщен добавками социальной философии.

После окончания университета в 1842 г. он поступает на службу в департамент сельского хозяйства, работа в котором пробудила у него интерес к естественным наукам, в особенности к химии в ее приложении к агрономии. Но по болезни службу пришлось оставить. Майков отправляется в многомесячное путешествие по Западной Европе, лечится в Германии и Италии, надолго оседает в Париже, где знакомится с новейшей философией, с интересом изучает социальные науки и урывками пытается вновь заняться химией. Посещает курсы ряда профессоров в Колледж де Франс. Узнает о Конте и знакомится с его работами.

По возвращении домой одно время Майков посещал кружок петрашевцев, но занимал там скромное место, ибо его фурьеризм, как отмечали поздние исследователи, был весьма умеренного толка. Более заметный след он оставил в издательском деле при выпуске "Карманного словаря иностранных слов" издателя Н. С. Кириллова, который

предложил Майкову, блестяще владеющему основными европейскими языками, принять в нем участие. Словарь был задуман не как простой перечень слов, а как "толковый", т.е. сжато, но обстоятельно объясняющий иностранные слова (термины), используемые в научных сочинениях. Кроме того предполагалось присоединить к нему "алфавитную энциклопедию", в которой излагалась бы история каждой науки и ее современное состояние.

Программу словаря составил Майков, который также осуществил редакторство первого выпуска. Интересно, что многие статьи по философии и социальным наукам оказались обширнее, чем по естествознанию. Вероятно, сказались редакторские пристрастия, ибо Майков разделял контовскую идею целостности, единства гуманитарных и естественных наук и их иерархической классификации по предметной сложности. Словарь показывал, что почти все термины русского научного языка были заимствованы из иностранных языков. Подготовив к печати первый выпуск "Словаря" (СПб., 1845), Майков отказался от завершения издания, так как ему предложили примкнуть к более крупному литературно-общественному предприятию, стать неофициальным редактором нового журнала "Финский Вестник" (отечественный редактор Ф. К. Дершау).

Именно в этом журнале Майков задумал опубликовать серию статей под общим названием "Общественные науки в России", которая обещала быть интересным социологическим манифестом. Однако в свет вышел только первый номер журнала с начальной частью обещанной серии. В архиве Майкова остались в незавершенном виде куски дальнейших статей. Журнал был закрыт, и Майков переходит в критический отдел "Отечественных записок" на место В. Белинского, а через год в "Современник". Хотя Майков умело оппонировал Белинскому по ряду вопросов, тот высоко оценил молодого эрудированного публициста и к чести редакции "Современника" всячески стремился привлечь его к работе в собственный журнал.

Деятельность Майкова за два последних года его жизни впечатляет своим размахом. Собранные в один том заметки, рецензии и статьи составили более 700 страниц очень содержательного текста. У Майкова сложился своеобразный литературный стиль. Его рецензии не спутаешь с другими. Обычно он начинает с мощного вступления - своего собственного решения проблемы, которая волновала того или иного рецензируемого им автора, потом на этом основании идет оценка самого произведения. Рецензия же была не просто критическим комментированием или пересказом с традиционным набором плюсов и минусов, а была конструктивным сотворчеством, характеризующаяся строгой последовательностью в развитии идей, доказательностью выводов, глубиной и одновременно стремительностью поворотов темы.

Так, анализ поэзии Кольцова превратился в эссе о русском национальном характере, разбор книги Д. Милютина о "военной географии" - в анализ значения статистики для развития общественных наук. Отзывы Майкова о Ф. Достоевском и А. Герцене, как ни кратки они были, поражают пронизательностью. Первым в русской критике он указал на светлое дарование Ф. Тютчева, хотя ему было известно очень немного стихотворений поэта. Он как бы угадал о великом по немногому.

Казалось, что силы этого еще очень молодого публициста и ученого бесконечны. Однако жизнь его оказалась весьма недолгой, во всяком случае родившийся с ним в один год П. Лавров пережил его более чем 50 лет. Летом 1847 г., отдыхая у друзей под Петергофом, В. Майков после продолжительной прогулки жарким днем решил освежиться в приусадебном пруду и во время купания внезапно умер от сердечного приступа.

Похоронен на соседнем с дачей скромном кладбище. Вот мнение двух отечественных знаменитостей об этой потере. Ф. Достоевский вспоминал о Майкове в 1861 г. полными сочувствия словами: "многого обещала эта прекрасная личность и, может быть, многого мы с нею лишились" [3. Т. X. С. 38]. Н. И. Кареев в 1929 г. писал: "если бы не ранняя смерть талантливого обществоведа, он впоследствии мог бы сделаться замечательным социологом в России"[4. С. 3].

Две статьи, хронологически идущие одна за другой, дают нам возможность проследить этапы того краткого пути, которым шла социологическая мысль Майкова. Это, во-первых, работа еще студенческих лет "Об отношении производительности к распределению богатства" (1842 г.) и, во-вторых, неоконченный очерк "Общественные науки в России" (1845 г.).

Знаменитый спор тех лет между западниками и славянофилами он решал так: полнокровное развитие отдельной народности не может совершаться в изоляции от влияния других народностей. Иначе - застой и вырождение. Национальный характер это не "быт и обычай", а "способности" народа, которые только быстрее развиваются от контактов с другими народами и их культурами. Но восприятие Запада должно быть не слепым подражанием, а критическим знакомством, основанном на логике, просвещении, современной науке. Именно этого у нас нет или очень мало. Это и надо заимствовать и развивать в первую очередь. В итоге мы получим творческую "русскую мысль". Поиски в этом направлении обнаруживаются в упомянутых статьях. Глубоко веря в науку, он именно от нее ожидал успехов в деле "общественного благополучия" страны.

В первой статье Майков предлагал свое решение "рабочего вопроса", подвергнув критике ряд западно-европейских теорий. "Рабочий класс, - писал он, - находится в отчаянном положении: это факт, доведенный до очевидности статистическими цифрами" [5. С. 638]. Западные социальные ученые предлагают разные конкретные меры по улучшению ситуации, но все они не выдерживают критики. Майков анализирует следующее предложение: уменьшить число машин, заменить наследственную собственность пожизненной, запретить конкуренцию, создать союзы рабочих и расширить их политические права, усилить миграционные потоки в колонии, ограничить вмешательство государства в дела промышленников, создать "капиталистический", а не дворянский парламент и т. п.

Все эти меры, по Майкову, не затрагивают существа проблемы, которое им сводится к следующему: равновесие между интересами капиталистов и работников, улучшение участи рабочего класса возможно только в том случае, если каждый необходимый участник производства - капиталист (капитал), администратор (управление) и рабочий (труд) получает свою справедливую долю из чистых барышей в виде дивидендов предприятия. Капиталисты провозглашают собственность святыней и сами святотатствуют, лишая рабочих собственности, вызывая у них злобу и зависть. Но обладание собственностью один из естественных социальных инстинктов человека. Рабочий имеет право собственности на часть произведенного им продукта, так же как и остальные участники производства - капиталист и администратор. Мера распределения "доли дохода" (отсюда свою систему Майков называл "долящина") устанавливается и защищается законодательно. Новая система распределения богатства предполагала ряд конкретных изменений и нововведений.

1. Зарплата выдается как заем, который учитывается при перерасчете доли.
2. За банкротство хозяина работники, если они не посвящены в его планы и замыслы, не

несут ответственности.

3. Объем чистой прибыли проверяется собранием выборных лиц, представляющих все звенья предприятия.

4. Создается производственное право, регулирующее все вопросы доходов, страхования, пенсионирования, увольнения и приема на работу.

5. Чувство собственности будет вызывать у рабочих "нравственное достоинство, самоуважение" и стимулировать более производительную работу.

6. Появление "рабочих капиталов" (в виде дивидендов, выдаваемых по окончании каждого оборота исходного капитала) обеспечит их среде более высокий уровень потребления, воспитания и образования детей. Социальность этой массы лиц возрастет и нравственный облик народа в целом улучшится.

В итоге, помечал Майков, интересы капиталистов и рабочих станут более общими, вражда уменьшится. Успех предприятия будет "равно утешительным" для тех и других. Хозяин увидит в рабочих не рабочий скот или механизмы, а помощников, акционеров, а они в нем - не деспота, а руководителя, профессионально ведущего к достижению коллективного благосостояния. "Дольщина не панацея от всякой нужды, но она повысит производительность труда и даст справедливое обеспечение тому, кто трудится" [5. С. 645-654].

В предисловии к двухтомному собранию сочинений В. Майкова (Киев, 1901 г.) Г. В. Александровский уверял читателя в том, что вышеприведенные строки были написаны под сильным влиянием Маркса. Но позднее было доказано, что ни о каком влиянии этого сорта не может быть и речи [б. С. 80-87]. Конечно, для читателя, подробно знакомого с марксизмом, это очевидно. А вот близость к Конту тут явная! Конт выступал против произвола капиталистов, требовал законов о рабочих и их зарплате, создания государством дополнительных рабочих мест, позитивистского воспитания капиталистов, контроля за их деятельностью с помощью общественного мнения [7. С. 3-7, 15-16, 32-33]. Некоторые члены общества позитивистов в Париже были рабочими, в нем делались доклады по рабочему вопросу, в обсуждении которых Конт принимал живое участие. Он вообще считал, что позитивисты "близки рабочим". Многие предложения Майкова о "законном повышении доходов рабочего класса", казавшиеся диковинными в свое время (даже он сам оценивал их как легко излагаемые в теории, но трудно выполнимые на практике), теперь стали общепризнанными в индустриальных странах. Но тем более любопытно их появление в полуфеодальной России императора Николая I. Вторая статья "Общественные науки в России" еще более интересна для нашей темы. В ней Майков доказывает необходимость создания в России новой абстрактной социальной науки, называя ее по-разному: "социальной философией", "физиологией общества", "философией общества". Интересно, что вместо слова "социолог" Майков, говоря о работниках новой науки, использует термин "социалист". Подобная терминологическая неразбериха при первых шагах новой науки не была столь уж безобидной, и часто социология получала от властей в этой связи дополнительные препятствия [8. Гл. 1]. Но толкование предмета и функций новой социальной науки было у Майкова постоянным: она должна изучать "социальный порядок", состоящий из комбинации трех видов благосостояния - "экономического" (что обеспечивалось "дольщиной"), "политического" (требующего конституционного равенства, прав, совпадения личных и государственных интересов) и "духовного или нравственного" (отсутствия сословной монополии на культуру).

Все три вида определяют друг друга, взаимодействуют и прогрессируют в ходе истории. Частные социальные науки - правоведение, политическая экономия, этика, эстетика и др. уже изучают в теоретической форме отдельно взятые виды благосостояния, социология же с учетом их результатов изучает целостную комбинацию и корреляцию видов. Благодаря этому она может помочь частным социальным наукам преодолеть их неизбежную односторонность и даже стать науками практически, достигающими конкретных успехов в адекватно понятой социальной жизни в целом.

Майков иллюстрировал это положение следующим знаменательным для крепостнической России примером - если бы торговля неграми и оправдывалась бы соображениями экономической выгоды, то "социальный порядок", вырастающий на этом сновании, не отвечал бы требованиям нравственного развития и благосостояния, точно так же относительное преодоление материальных нужд - при отчуждении народов от политической власти давало бы далеко не гармоничный порядок. История убедительно показывает, как умаление одной стороны "социального порядка" за счет других вызывает неизбежный упадок всего целого. Поэтому "живая идея общественных наук" заключается в создании именно социологии, т.е. науки, фиксирующей целостное общественное благополучие, которое, впрочем, нельзя отделить от идеи благосостояния и развития конкретного человека. "Можно даже сказать, что развитие общества есть одно из условий развития человека" [9. С. 57].

Будущность русской социологической науки, по Майкову, предлагает решение ряда вопросов, из которых наиважнейшим он считает "строгий критический разбор социальных наук Запада" (прежде всего О. Конта, Майков присоединялся к его идее статистики и динамики, но критически оценивал его "бездушный аналитизм в решении ряда вопросов), преодоление методологического "феодализма" частных социальных наук, объединение их достижений в общем мировоззренческом синтезе, обеспечивающим их практические успехи и преодоление безжизненной абстрактности и субъективизма старой философии истории на путях научного реализма. Ближайшими союзниками социологии Майков называл историю и статистику (5. С. 603, 610]. Эта новая наука, по его убеждению, возникает в силу политической и междисциплинарной необходимости, а не каприза или произвола того или иного теоретика [9. С. 2, 17, 61-62].

Выводы Майкова оказались вполне пророческими. В том же году лекции Конта в Париже слушало несколько русских - Н. М. Сатин, Н. Г. Фролов, В. П. Боткин и другие. Они сообщили о своих впечатлениях Н. Огареву, а тот - В. Белинскому и А. Герцену. Отношение к замыслам Конта было неоднозначным, но одна из его идей - создание социологии как самостоятельной науки о закономерностях эволюции и функционирования социальных систем - постепенно пробивает себе дорогу в Россию. Однако реализация замыслов Майкова была заморожена внешними политическими обстоятельствами.

Революция 1848 г. в Западной Европе напугала и без того консервативное русское правительство, что самым неблагоприятным образом отразилось на положении русской науки и высшего образования. Общее количество студентов было сокращено, университеты лишились права избирать ректора из среды профессоров, были закрыты повсюду кафедры философии, за преподаванием гуманитарных наук был усилен надзор, запрещено преподавание права западно-европейских стран, запрещены без цензурного рассмотрения выписка заграничных изданий, отменены командировки ученых в Европу и сочинения О. Конта были изъяты из государственных библиотек. И

только с начала 60-х годов заветы Майкова подхватила большая группа исследователей, среди которых следует выделить хронологически первых - Э. Ватсона и П. Лаврова.

2. Эрнст Карлович Ватсон (1839- 1891)

Э. К. Ватсон, хорошо знавший многие европейские языки и обладавший прекрасными способностями быстро разбираться в сложнейших теориях, фактически взял на себя выполнение одной из рекомендаций Майкова - критически ознакомиться с социальными теориями Запада. И выполнил эту задачу превосходно, предоставив русскому читателю очерки творчества отцов позитивизма - О. Конта и Д. С. Милля. Их теории излагались Э. Ватсоном ясным языком с помощью биографического метода и вводили в существо того нового, что привнесли оба мыслителя в обществоведение XIX столетия.

Предки Э. К. Ватсона были обрусевшими выходцами из Шотландии. Его отец слушал курс в нескольких наших университетах и по окончании работал провинциальным врачом, дожив до преклонных лет. Детство Э. Ватсона прошло с родителями, часто переезжающими по городкам Московской, Смоленской и Курской губерний. В 1848 г. он был отдан во вторую московскую гимназию, бывшую в 50-е годы лучшей классической гимназией во всем московском учебном округе. Гимназистом, с 14 лет он начинает работать репетитором, чрезвычайно гордясь своими ранними трудовыми деньгами. В 1856 г. Ватсон с золотой медалью окончил гимназию, получив право без экзаменов поступать в университет. Ватсон избрал историко-филологический факультет Московского университета и в 1860 г. заканчивает его со степенью кандидата. По отзывам близко знавших его людей, в студенческие годы он увлекался шахматами и музыкой, хорошо музицировал и редкий свободный вечер не проводил на галерке оперного театра.

После окончания университета, по рекомендации декана факультета С. М. Соловьева, Ватсон получил место учителя всеобщей и русской истории в старших классах Первого московского кадетского корпуса, многие воспитанники коего были старше своего учителя, которому исполнился тогда 21 год.

С 1861 по 1881 г. Ватсон посвятил себя публицистике в ряде периодических изданий. Несколько месяцев он заведовал "Земским обозрением", писал в "Русских ведомостях", "Голосе", вел политическую хронику в "Неделе", печатал большие статьи в "Русской мысли", "Северном вестнике". Особенно долго он был обозревателем газеты "Молва". Знание языков давало ему возможность внимательно следить по материалам зарубежной прессы за общественно-культурной жизнью Англии, Германии, Франции и Италии и знакомить русского читателя с нею. Одновременно переводит романы В. Гюго, философско-исторические работы Г. Брандеса, исследование П. Бурже "Очерки современной психологии". Перегруженность работой не прошла бесследно, тем более, что много лет он вообще не имел отпуска. Здоровье было подорвано, и по совету врачей он на полгода уезжает за границу, но и там не прекращает умственной деятельности. Вернувшись в Россию, Ватсон по заказу издателя Ф. Павленкова для его знаменитой серии "Жизнь замечательных людей" написал биографию А. Шопенгауэра, стал готовить материалы для биографии Савонаролы и Конта. Но в 1881 г. смерть прервала эти планы. Похоронен он был на Волковом кладбище, на так называемых литературных мостках. Демократическая печать в многочисленных некрологах отмечала, что Э. К. Ватсон принадлежал к тем немногим, чья смерть оставляет прискорбный пробел в культуре.

Каковы же социологические темы, волновавшие Э. К. Ватсона? Отметим три наиболее главные: положение западно-европейского рабочего класса, роль великих людей в истории и анализ теоретических взглядов Конта и Милля. Хотя темы разноплановые, но связаны общей мировоззренческой ориентацией позитивизма.

В первой теме Ватсон невольно присоединяется к научным разработкам Майкова, хотя стиль и содержание исследований каждого сильно различались. Манера Ватсона не прогнозирующая, а констатирующая, но сближало их чувство глубокой симпатии к трудящимся людям. Он публикует серию развернутых статей: "Вопрос об улучшении быта рабочих в Германии" (1863 г.), "Рабочие классы Англии и манчестерская школа" (1864 г.), "Стачки рабочих во Франции и Англии" (1865 г.). В них он выступает сторонником резкого улучшения материального положения рабочих масс, предоставления им права на самозащиту, на развитие классового самосознания и политической самостоятельности. Анализирует причины провалов в стачечном движении. Никаких народнических или марксистских крайностей в оценке капитализма у него нет.

Тема "великих личностей" в истории породила в прошлом столетии обширную литературу в разных странах. Ватсон не разделял расхожее мнение о решающей роли этих людей (царей, жрецов, полководцев, политиков и т. п.) в истории. Он вслед за Боклем склоняется к мысли, что все подобные деятели скорее не творцы своего века, а творения его, что применяемые ими социальные действия есть следствие общественного прогресса, а не причины его. Он иллюстрировал эту мысль анализом деятельности Ю. Цезаря, Николая I, А. Линкольна.

Ватсон полагал, что движение народов по пути прогресса неравномерно и зависит от трех обстоятельств: от суммы новейших знаний, приобретенных наиболее развитыми духовно людьми каждого народа (таковым знанием для своего времени он считал позитивизм); от направленности этих знаний (позитивная, научно обоснованная переделка природы, общества и культуры) и от степени распространения этих знаний во всех слоях и классах общества (система позитивистского воспитания). Вот почему Ватсон, считая Конта и Милля идейными новаторами, в 1864-1865-е гг. приступает к подробному разбору их мировоззрения.

В России накопилась к началу XX в. большая литература о Конте, откликов на его идеи было больше, чем на какого-либо другого западного социолога [10]. Но обширный этюд Ватсона "Огюст Конт и позитивная философия" является не только одним из ранних, но и, пожалуй, на редкость информационно интересным [13. С. 306-392].

Какова его фактическая основа? Ватсон опирался на все главные труды самого Конта и работы его учеников и последователей за 1853-1864 гг. (Е. Литтре, Ч. Пелларина, Ж. Робине, Д. Милля и других), т.е. демонстрировал новейшую литературу своих лет. Он предложил позицию, которая потом разделялась практически всеми позитивистами в России - сочувствие к "Системе позитивной философии" и антипатия, неприятие "Системы позитивной политики". Фактически это отвечало замыслу Майкова о критическом усвоении идей Запада при создании отечественной социологии. Ввиду цензурных гонений в 60-е годы на материалистически прочитанный позитивизм Конта, статья Ватсона была, к сожалению, опубликована только после его смерти.

И каким же предстает О. Конт под пером его русского сторонника? Ватсон показывает, что с юных лет тот открыто выступает против католических и роялистских воззрений своих родителей. С 16 лет - студент Политехнического института, упорно занимается

математикой и философией XVIII в. Кондорсе он считал своим "философским предшественником". В 1816 г. реставрируется монархия, и демократически настроенный Политехнический институт закрывают. Конт к тому времени отказался от всякой родительской помощи и перебивается случайными заработками в качестве переводчика, домашнего учителя, секретаря. Одно время он мечтал уехать в Америку и занять там место профессора математики, но дело сорвалось, а то бы США стали родиной социологии. В 20 лет он знакомится с Сен-Симоном, становится его секретарем и испытывает известное умственное влияние с его стороны, но вскоре расходится после того, как патрон без согласия Конта внес кое-какие поправки в его статью. Конт продолжает образование, изучает современную физику, биологию, химию и другие отрасли знания, чувствуя сильную потребность классификации всех наук и обоснование роли и места в ней социологии. Эта цель лежала в основе "плана трудов, необходимых для пересоздания общества", задуманных им еще в 1822 г.

С 1826 г. Конт начинает читать публичный курс из 72 лекций, в котором проводилась мысль о тесной связи и последовательности всех наук. На курс записалось большое количество бывших студентов Политехнического института, некоторые члены Академии наук, известные математики Пуансо, Вине, Фурье, филолог Блэнвиль, философ и естествоиспытатель Гумбольд. Но курс был сорван из-за нервной болезни лектора: сказались умственное перенапряжение и материальная нужда. В клинике состояние Конта улучшилось, его жена Каролина Массин забрала мужа оттуда, надеясь на еще более исцеляющую силу домашнего ухода. Спустя год Конт совершенно оправился, стал заниматься математикой и в 1828 г. возобновил лекции.

В 1845 г. курс этих лекций был издан в виде капитального труда "Система позитивной философии". В первых трех томах излагалась философия математики и естествознания, которая служила своего рода введением к последним трем томам, посвященным социологии. Центральная идея этих томов - попытка построить социальную науку по типу естественных наук. Обосновывал эту мысль Конт, по мнению Ватсона, очень убедительно [II. С. 326-328]. Он классифицировал науки по степени сложности изучаемых ими явлений и располагал их в такой порядок, в котором каждая новая наука зависит от законов, вырабатываемых предшествующими ей науками с прибавлением новых законов, добываемых ею самостоятельно. Он выделил несколько "абстрактных наук", составляющих иерархическое целое: математику, астрономию, физику, химию, биологию и социологию. Чем сложнее наука, тем исторически она позднее возникает и требует больше вспомогательных знаний.

Каждая наука проходила две фазы: теологическую (где мир объясняется чаще всего воображаемыми, мифологическими началами) и метафизическую (где мир объяснялся с помощью априорных "первосущностей", "конечных причин" и т.п.). Обе фазы исторически законны в истории человеческого сознания, они необходимые ступеньки перехода к третьей фазе - позитивной, на которой мир объективно объясняется через реальные причины и закономерности, с помощью эксперимента и с целью предвидения. Физика, химия, астрономия уже прошли две первые фазы, теперь их прошла биология. Главная задача - освободить социальные науки от метафизики, создать социологию и соединить все полученные позитивные результаты в этом синтезе абстрактных наук. Из совокупности законов, открываемых этими "абстрактными науками" складывается "мировой порядок бытия".

К конкретным наукам - географии, минералогии, ботанике, зоологии, геологии и т.п. -

Конт относился полупрезрительно, считая, что они изучают частные явления. Главное внимание он, естественно, уделит социологии. По замечанию Ватсона, если "до сих пор Конт имел дело с более или менее готовым материалом", то теперь ему пришлось "предпринять нелегкий и новый труд - построить социологию, на тех же принципах и основаниях на которых им строились другие науки" [II. С. 338]. Натуральным явлением позитивисты называли те явления, которые зависят от материи и силы. Так вот в человеческой истории "материей" являются сами люди и народы, а "силой" - их склонности и способности. Комбинация материи и силы законообразна. В человеческой истории меньше случайностей и произвола, чем обычно ей приписывают. Конкретные социальные науки - история, правоведение, эстетика и т. п. поставляют социологии факты и эмпирические обобщения. Социология, как "абстрактная наука", сводит эти данные в единую систему и открывает корреляцию между ними или социальные законы. Итак, в последних томах своей работы Конт стремится изгнать метафизический дух из социальных наук. "И нельзя сказать, чтобы попытки его в этом отношении остались бесплодными", - резюмировал Ватсон [II. С. 341]. Однако он отмечает известные пробелы в схеме Конта - упорное нежелание учитывать политическую экономию и психологию, которые он объявил псевдонауками [II. С. 348-349]. Упрек подобного рода позднее станет широко распространенным, его повторяли Лавров, Михайловский, Кареев, Ковалевский, Лаппо-Данилевский и многие другие русские социологи.

Любопытной особенностью изложения идей Конта нашим исследователем было то, что они почти не обратили никакого внимания на его социальную динамику и ее связь с явлениями типа "разделение труда", "среды", "единства человеческой природы", "консенсуса", которым Конт придавал решающее значение. Ватсон делает упор на изложение социальной статики и подчеркивает, что Конт понимал ее как систему человеческих общностей или ассоциаций, разных степеней, видов и форм.

Существенным условием ассоциации объявлялись: язык, собственность, власть, общие нравы и верования. Он возражает против контовской трактовки собственности, как проявления врожденного, естественного права, без учета исторических вариаций этого института. Ватсон абсолютно не согласен с подчиненной ролью, которую Конт отводил женщине в семейной ассоциации [II. С. 344]. Отметим, что и многие соратники Конта - вроде Милля - критиковали его за это же.

Новый этап интеллектуальной деятельности Конта Ватсон связывает с началом его работы в 1845 г. над последним большим трактатом "Системы позитивной политики". Он обнаруживает резкое противоречие между этой книгой и предыдущими. Конт неожиданно возвращался к неоднократно обруганной им ранее метафизике, причем самого мистического толка. Почему произошел переворот? Оригинальной чертой эскиза Ватсона можно считать то, что он собрал все мнения на этот счет, критически их проверил и дополнил собственными. Получилась убедительная картина. Искомые причины, по Ватсону, таковы:

1. Любовь к молодой женщине Клотильде Дево, муж которой был по приговору суда сослан на галеры. Конт к тому времени развелся с женой, платя ей пенсион, что резко ухудшило его и без того неблагоприятное материальное положение. Он посвятил "Систему позитивной политики" Дево, которая умерла год спустя после их знакомства. Ее склонность к оккультизму повлияла на Конта, сознание которого, отмечает Ватсон, стало принимать "какой-то неприятно-мистический характер" [11 С. 353].
2. Конт страдал от непризнания в отечественной профессиональной среде.

Благоприятные для его репутации известия во Францию пришли из Англии, в которой ряд влиятельных лиц - ученые, банкиры и министры - организовали ему денежную субсидию, которую он в первую очередь тратил на издание своих трудов.

(Приблизительно в это время о нем в России заговорил Майков). Многократные обращения Конта к тогдашнему министру народного просвещения, историку по профессии, Ф. Гизо с предложением организовать кафедру всеобщей истории наук в Колледж де Франс остались без ответа. Глубоко его огорчил провал трех попыток получить место профессора во вновь открытом Политехническом институте. Оказалось неудачным его обращение в Академию наук. Он столкнулся с враждой, непониманием, нерасположением официальных административных и научных кругов Франции. В итоге даже чтение лекций ему было запрещено. В беседах и частной переписке Конта, отмечает Ватсон, появляется тревожный фон - постоянные жалобы на несправедливое отношение к нему, навязчивый поиск реальных и мнимых врагов, невротические упреки "всем и вся". Он ухитрился поссориться с преданными людьми, которые поддерживали его материально - с Миллем, Литтре и другими [II. С. 317-321].

3. Третьей причиной, по мнению Ватсона, был сидячий образ жизни Конта, он даже отдыхал сидя, только не за письменным столом, а в кресле у камина; дурная диета из-за вечного отсутствия денег, что воспитало в нем равнодушие к еде; изобретение им "мозговой гигиены", в соответствии с которой он воздерживается от чтения газет, журналов и книг, посещения театров и других развлечений. У него сложилась весьма своеобразная манера работать: не писать планов, черновиков и конспектов, а долго обдумывать всю вещь и писать ее не отрываясь, целиком из головы. Конечно, это требовало неоправданного изнурительного душевного напряжения. С 1852 по 1857 гг. Конт считал себя уже не ученым, а "жрецом религии человечества", отрекаясь от многих своих старых мыслей.

Общество позитивистов, созданное в 1848 г., превратилось в типичную секту. Конт ежедневно (иногда несколько раз в день) молился с членами общества, часто на могиле Дево, крестил их детей, благословлял их на брак. Когда ему был поставлен диагноз - рак, Конт отказался от услуг врачей (хотя среди них были его ученики) и сам лечил себя. Три месяца мучительной болезни перенесены им были с величайшим терпением. Он умер 59 лет от роду, в 1857 г. В своем завещании он называл 13 учеников душеприказчиками,веряя им судьбы позитивизма.

Какие же главные идеи "Системы позитивной политики" выделяет Ватсон, и как он их оценивает? Конт в основу книги взял учение об "альтруизме" (им же изобретенное слово), под которым понималась тотальная любовь к "ближнему и дальнему", "культ человечества". Он внимательно описывает ритуалы этого культа. Ватсон замечает, что с социологической точки зрения здесь нет ничего свежего, а есть повтор категорического императива Канта и традиционных атрибутов многих религий. Странно, что Ватсон не обратил внимание на рассуждения Конта о ценностном, субъективном методе социологии, который был противопоставлен объективным методам: сравнению, наблюдению и эксперименту, ранее им защищаемым. Между тем с начала 70-х годов в русской социологии вспыхнут бурные споры вокруг этого метода.

Другая черта Конта, отмеченная Ватсоном, - озлобление против революций и политической анархии. Ни одна существующая форма правления (монархия, республика, парламентская монархия и т. п.) не соответствовала идеалу Конта. Он предлагал все европейские страны разбить на более мелкие государства размером с Бельгию или

Португалию. Так, Францию он видел состоящей из 17 подобных единиц. Власть в каждом государстве принадлежит работодателям - банкирам, торговцам, промышленникам и землевладельцам. Злоупотребление властью пресекается духовным контролем со стороны позитивистов-жрецов и общественным мнением. Все властвующие элиты состоят из альтруистов, получивших специальное позитивистское воспитание. Далее он приписывал всем планетам и материальным земным объектам способность чувствования и провозглашал космическое обожание Земли всеми другими планетами и обожание человека как земного существа. По его мнению таковы естественные основы "религии человечества". Ватсон с удовольствием присоединяется к следующей оценке всего вышесказанного - "монах, вывороченный наизнанку" [II. С. 373].

Итак, если Ватсон ограничил себя в первую очередь историко-критическим анализом, то другой отечественный социолог П. Лавров предпринял обширные самостоятельные построения в сфере теоретической социологии. По справедливому мнению авторитетнейшего историографа нашей социологии Н. Кареева, Лаврова можно с полным правом назвать "первым русским социологом", основоположником социологии в России.

3. Петр Лаврович Лавров (1823 -1900)

П. Лавров был выходцем из псковского дворянства среднего достатка. Закончил Петербургское артиллерийское училище в 1842 г. Далее, с 1844 по 1862 гг. преподавал в военных учебных заведениях математику и физику. Становится профессором Артиллерийской академии. Одновременно усиленно печатается по проблемам философии и истории науки (прежде всего математики), упорно изучает гуманитарные науки. Когда в конце 60-х годов Лавров приступил к социологии, он уже имел репутацию оригинального мыслителя, особой известностью пользовались его "Очерки вопросов практической философии" (1860 г.), посвященные А. Герцену и П. Прудону.

Первые четыре науки контовской классификации: математика, механика, физика и химия были ему хорошо известны в силу профессионального образования, но его сочинения обнаруживают большую начитанность в сфере биологии, антропологии, этнографии, истории и этики. В середине 60-х годов он редактор "Энциклопедического словаря" (выпуск которого прервала цензура). Этот пост требовал больших и разнообразных знаний. Всеми своими предыдущими занятиями Лавров был хорошо подготовлен к принятию и защите мысли о социологии как положительной науке, открывающей законы общественной жизни и венчающей иерархическую классификацию абстрактных наук О. Конта. Кстати, Лавров стал одним из настойчивых пропагандистов контовского позитивизма, в наследии которого он высоко ценил "Курс позитивной философии", дополняя его субъективным методом, извлеченным им из последнего труда Конта - "Системы положительной политики" [16].

Интенсивную научную и преподавательскую работу Лавров сочетал с участием в подпольной революционной организации "Земля и воля", по делу которой он был в 1867 г. арестован и сослан в Вологодскую губернию. Именно в эти годы у него окончательно созрел замысел вплотную заняться социологией. Первые разработки Лавров сделал в серии журнальных публикаций - "Исторические письма", отдельное издание которых вышло в 1870 г. В том же году он при содействии друзей бежит из ссылки и перебирается в Париж, где по преимуществу и прожил большую часть жизни. Он примкнул к русской народнической эмиграции, сделался вождем ее, редактировал издания "Вперед", "Вестник народной воли".

Одновременно в русские легальные издания он посылал многочисленные работы, печатаясь под псевдонимами - Миртов, Стоик, Арнольди, Доленга, Кедров и др., а иногда вообще анонимно. Между тем издатели сильно рисковали: печатание работ Лаврова было официально запрещено, а ранее опубликованные вещи изымались из общественных библиотек. Лавров наблюдал в 60-80-е годы за тем, что делалось в области социологии за границей, анализируя сочинения Г. Бокля, Д. Милля, К. Маркса, Г. Спенсера. Последнего он представил русской публике в 1867 г., когда это имя еще не знали достаточно широко и в самой Англии [17]. Деятельности парижского Социологического общества Лавров посвятил обстоятельную статью "Социологи-позитивисты", в которой оценил сильные и слабые стороны в первых заседаниях и докладах Общества и отметил выдающуюся роль своего соотечественника и друга Г. Вырубова, без которого "не существовало бы ни позитивистского журнала, ни какого бы то ни было влиятельного позитивистского центра" и самого социологического общества (18. С. 132]. Откликнулся он и на социологические публикации других своих соотечественников - Н. Михайловского, С. Южакова, А. Стронина, Е. Де Роберти [18, 19]. Одним из первых в русской науке он выступил против крайностей натурализма в социологии.

Разнообразные труды Лаврова за последние тридцать лет жизни были набросками главного философско-исторического и социологического сочинения - "Опыт истории мысли нового времени", который так и не был завершен. В России вначале появились только две его части - "Задачи понимания истории" (1892 г.) под псевдонимом Арнольди и "Важнейшие моменты в истории мысли" (1903 г.) - Доленга.

После революции 1905 г. произошло ослабление цензуры, редакция "Русского богатства" стала переиздавать старые работы даже под его собственным именем. Под редакцией П. Витязева, А. Гизетти и Н. Русанова предпринимается попытка издать полное собрание сочинений Лаврова в 1918 г., т.е. ровно через полвека после начала его деятельности как социолога. Но над ним висел какой-то рок цензурных преследований. Вмешалась теперь уже советская цензура, и после нескольких выпусков, а всего их предполагалось пятьдесят, издание прекратилось. Была еще одна попытка в 1934 г. и снова неудачная, вышло всего четыре тома, а в 1955 г. вышло два тома [21].

В русской социологии Лавров оставил заметный след прежде всего созданием основ знаменитой субъективной школы (Н. Михайловский, Н. Кареев, С. Южаков и многие другие). Но работ о нем долгое время не было, даже имя его в периодической печати не упоминали, о трудах говорили иносказательно, намеками. "Лаврова больше цитируют, чем читают", - грустно подвел итог этому положению его друг позитивист М. Ковалевский, благодаря усилиям которого посмертный труд Лаврова был в итоге издан на родине.

Как социолог, Лавров сформировался в течение конца 60-х и в начале 70-х годов, за это время им были высказаны в разной редакции и контекстах все центральные положения его системы социологии. Она опиралась на трех "китов": философию (в разное время он испытал влияние всевозможных мыслителей - П. Прудона, Л. Фейербаха, Г. Гегеля, К. Маркса и даже неокантианца Ф. Ланге, одного из авторов знаменитого лозунга "Назад к Канту"), историю (которая, по его мнению, при научной постановке исследований обеспечивает обществоведение надежными фактами) и этику (которая формулирует идеал "справедливого общежития"). Свой социологический позитивизм в пику

натурализму он строил на путях психологического редукционизма. Только психология, особенно социальная, полагал Лавров, "может составить исходную точку зрения" социологии. Вот почему в его теории обнаруживаются сильные элементы телеологии, которые он сочетает с детерминизмом и популярным в те годы эволюционизмом [22; 23; 24].

Лавров пытался найти истоки общественности в животном мире (то, что позднее стали называть "предсоциологией"), понять специфику именно человеческого общества, проследить разные состояния социо-культурной эволюции, начиная с эмбриональных, первобытных форм (а также их остатки в настоящем в виде народных суеверий, традиций, верований) и кончая цивилизованными формами, обнимавших великие цивилизации древнего мира, культуру античности, средневековья и нового времени. В этом отношении он был одним из пионеров так называемых генетической и исторической социологий, замысел которой вызван к жизни серию набросков: "Что такое жизнь?", "Где начало общества", "До человека", "Научные основы истории цивилизации", "Цивилизация и дикие племена", "Подготовка новой европейской мысли", - которые позже были объединены в общий том [25. Вып. 1] .

Соображения Лаврова, посвященные истории мысли, как специфической черте человеческого общества, рисуют читателю широкую панораму мировой эволюции. Его, как и Конта, волновал процесс "подготовления" мысли - космические, геологические, физико-химические, биологические и, наконец, психологические линии эволюции, вплоть до "сопутствующих" мысли социальных процессов, ибо мысль и культурное неотделимы от социального, как личность неотделима от общества.

Работа над этими трудами продемонстрировала его редкостную эрудицию в разных сферах знания. Вероятно, современному эмпирически ориентированному социологу все это построение покажется чересчур неэкономным и явно метафизическим. Но, как верно отмечал Кареев, это была "философия истории с социологической точки зрения, скорее даже культурология", чем привычная общая социология той поры. И действительно, цивилизация и культура - главные герои его многих сочинений, он занимался их определением, происхождением, типологией и кризисами. В целом он понимал под цивилизацией совокупность форм и результатов человеческой мысли.

В свете этого вся человеческая история есть "единая преемственная история человеческой мысли". Что же касается культуры, то она трактовалась Лавровым несколько противоречиво. Цивилизация включает, полагал он, два главных элемента: культуру (сумма преданий, обычаев, традиций, привычек) и мысль (критическое мышление). Но будучи частью цивилизации она иногда выступала против нового и прогрессивного, она обладает склонностью к застою, штампованному воспроизводству предыдущих ценностей, т.е. "застыванию" динамики и саморазвития общества, что является целью цивилизации.

Далее Лавров утверждал, что культура в жизнедеятельности общества и человека выражает бессознательное, инстинктивное, являясь "зоологическим элементом" цивилизации. Правда, иногда он считал возможным говорить и об "инстинктивной культуре животных", что явно удивит современного культуролога. Начальные, первобытно-родовые и последующие цивилизованные формы социокультурного, вплоть до современных, Лавров призывал изучать, сочетая их объективное рассмотрение с оценкой со стороны идеала, что и составляло суть столь шумевшего позднее в России субъективного метода. В методологическом отношении это была ранняя заявка, сходная

с поздними и широко известными попытками в лице "возрождения естественного права" в философии права и риккертовско-веберской программы "отнесения к ценности", как отличительной черты наук о культуре, сравнительно с науками о природе.

Впрочем, сам Лавров считал, что социологическая истина охватывает необходимое (детерминизм), возможное (основа для типологии) и желательное (должное). Это позволяло ему создавать крайне своеобразную типологию патологических, регрессивных и здоровых, прогрессивных аспектов человеческой цивилизации, всевозможных социальных групп в лице "исторических и неисторических народов", "деятелей" и "участников", также лиц только "присутствующих" в ней.

"Деятели" (их всегда меньшинство) - это лица, чьи взгляды более или менее соответствуют общественным задачам своего времени; "участники" это простые ученики, имитаторы "деятелей"; "присутствующие" (их огромное большинство) - лица только потребляющие блага цивилизации, но не участвующие в их обновлении и движении.

Среди последних он выделял разновидности лиц - "пасынков истории", целиком поглощенных борьбой за существование, удовлетворение элементарных потребностей и "дикарей культуры", главные потребности которых - гастрономические радости, азартные игры, утонченный разврат, вечная погоня за наслаждениями.

Среди "деятелей цивилизации" Лавров также выделял подвид - "работников критической мысли" или интеллигенцию, социальных критиков рутины, создателей новых социально значимых идей, социальной кооперации и солидарности. Главная действующая сила человеческой истории - мысль, точнее ее особая разновидность - "критическая мысль", разрушающая культурную рутину - старые, застывшие обычаи, предания, привычки и учреждения, в которых они воплощены. Каждая "критическая" мысль со временем сама превращается в рутину, которая разрушается новой мыслью. Таков "вечный двигатель" истории [24; 25; 26].

Говоря современным языком, Лавров полагал, что он открыл универсальный стратификационный профиль любой организационной группы - рода, племени, класса, нации. С незначительными вариациями его типология якобы обнаруживается от древнейших времен до сегодняшнего дня и будет существовать, пока живо человечество. Его интерпретация интеллигенции, имевшая талантливых продолжателей в лице Н. Михайловского и Иванова-Разумника, вызвала в русской социологии несколько противоположных концепций интеллигенции.

Для Лаврова социальная динамика не была саморазвитием общественных форм в духе "спонтанной эволюции" Конта или органического развития Спенсера, она им не мыслилась вне-личностно. За некоторые формулировки его даже упрекали в социологическом номинализме, но в сущности это было несправедливо. В противовес контовскому пренебрежению к биографиям конкретных лиц, Лавров настаивал на дополнении "идеально-обобщающего направления" социологии

"реально-биографическим". Как и Э. Ватсон, он выступил в защиту биографий в качестве предмета науки. Поэтому личность и ее положение - ключ к пониманию его системы. Изучение любой социальной проблемы он всегда связывал с вопросом - как данное явление сказывается на положении личности, мешает или способствует ее творческому развитию? Личность при этом он не рассматривал в качестве автономной, самодовлеющей величины, он прекрасно понимал ее производность от общества и культуры своего времени, объективных потребностей (экономических, политических и идеологических), создающих особые структурные сферы общественной жизни. Да и не

любая личность для него была абсолютной ценностью, были и патологические, дегенеративные личности, "дикари" культуры и т.п.

Лавров отрицал эгоизм, анархию личности и диктат общества и группы над нею в равной степени. И то, и другое были для него патологией, "социальным заболеванием", к сожалению, часто встречающимся в истории. Ему были близки те исторические личности, которые участвуют в прогрессе, воплощение идеала "справедливого общества", т.е. способствуют росту солидарности наибольшего количества лиц и росту их личностного развития. Темпы так понимаемого прогресса, его ритмов и фаз направленности и ускорения, его "цены" он считал главнейшими проблемами.

Социологию, не указывающую пути прогресса, он называл "болтовней", а не наукой [27].

Современники описывали Лаврова как подлинного альтруиста, рыцаря духа. Это был типичный кабинетный, в хорошем смысле этого слова, работник, рожденный для профессорской кафедры и учеников. Революционная практика отвлекала его от научной работы, по свидетельству близких ему лиц, он это мучительно переживал.

Русские эмигранты часто обращались к нему за научными книгами, он читал лекции по разным отраслям знания тем, кто хотел пополнить свое образование. Знакомство с ним завораживало людей, стоящих на разных мировоззренческих позициях - П. Кропоткина, Л. Мечникова, П. Милюкова, В. Чернова, Н. Кареева, К. Тахтарева, Е. Де Роберти и других. М. Ковалевский, по его словам, просто питал к Лаврову "сыновий пиетет".

Лавров умер в самом начале XX в., 7 февраля 1900 г. и похоронен в Париже на Монпарнаском кладбище.

В начале 20-х годов в нашей стране вышли два прекрасных сборника, посвященных памяти Лаврова. Их авторами были известные отечественные философы и социологи - Г. Шлет, П. Сорокин, Н. Кареев, А. Гизетти, Иванов-Разумник и другие [28]

Пожалуй, рельефнее общее мнение выразил известный социолог нашего века Питирим Сорокин: Лавров как социолог, несмотря на известные просчеты и ошибки его теории, был и остается одним из наиболее выдающихся фигур в истории русской социологии. И, вероятно, он с полным правом может претендовать на "выдающееся место в мировой социологии" [29. С. 291] Это верная оценка, и можно только гордиться тем, что уже пионеры русской социологической науки заслуженно оценивались именно так.